

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ См. например: Там же. Л. 36.

¹¹ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 908; Ф. 273. Оп. 1, ч. 8. Д. 32771.

¹² Там же. Ф. 273. Оп. 1, ч. 8. Д. 32771.

¹³ Крайковский А. В. Материалы Архангелогородской таможни как источник по истории рыболовных промыслов на Мурмане в XVIII веке // Российская таможня: История, современность, перспективы развития: Материалы науч.-практ. конф. (Архангельск, 27 июня 2006 г.). Архангельск, 2006. С. 67–71.

¹⁴ ГААрхО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3028.

¹⁵ Там же. Ф. 51. Оп. 6, ч. 1. Д. 239.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 848, 856, 871, 886, 891, 898, 904, 905.

¹⁷ ГААрхО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 545 а. Л. 16. См. также: Там же. Д. 529 н., 2638, 6094; Ф. 58. Оп. 16. Д. 174, 176, 177, 178; Ф. 51. Оп. 6, ч. 1. Д. 209.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 2. Д. 54. Л. 5

¹⁹ Там же. Ф. 829.

²⁰ См. например: РГАДА. Ф. 1195. Оп. 3. Д. 17, 136, 143.

М. Б. Булгаков

МЕСТНЫЙ ТОРГ МАЛОГО ГОРОДА В XVII в. (на примере г. Луха)

После событий «смутного времени» начала XVII в. экономика русских городов начинает постепенно налаживаться. Процесс восстановления городской жизни отразился в писцовых книгах 20-х гг. XVII в. Валовые писцы, посылаемые в города из приказов, снабжались специальными наказами — инструкциями, по которым они должны были проводить описания. В этих инструкциях предусматривалось, кроме описания городских объектов: крепости, крепостного вооружения, монастырей, церквей, осадных дворов, казенных учреждений и посадских дворов жителей, и описание оброчных «статей». К последним относились торговые заведения: лавки, амбары, харчевни, шалаши и т. д., а также кузницы, солоденные омшенники, воскобойни, дворовые и огородные места¹.

Торговые оброчные объекты описывались по следующим параметрам: вид заведения, его размеры «вдоль и поперек» в сажнях, сословный статус («чин») владельца-оброчника с указанием на единоличное или на совместное владение, отметка о «крепостной» документации, по которой оброчник и с какого времени владеет объектом и размер ежегодного денежного оброка. При этом почти всегда назывался ряд, в котором находилось заведение, а иногда указывалось каким товаром торговал владелец («москательем», сукнами, крашенинами, кожами, хлебом, солью, рыбой, мясом и т. д.).

Задачей настоящей публикации является анализ состояния местного торга г. Луха в середине 1620-х гг. и его сравнение с ситуацией 1688 г., т. е. по истечению более чем шести десятков лет. Известно, что последующие валовые описания городов (вслед за описанием начала века) проводились в 1646 и 1678 гг., но перепись 1646 г. описаний городских оброчных «статей» не включала, а перепись 1678 г. включала, но далеко не для всех городов.

В середине 80-х гг. XVII в. правительство предприняло попытку осуществить валовое описание земель и, в частности, городов по принципам описания 1620–30-х гг., но война с Турцией помешала этому мероприятию. Работы по описанию городов, куда были высланы писцы, остались незаконченными, так как писцы в 1686 г. были срочно вызваны в Москву. Естественно, что писцы в городах, в которых они работали, описывали и оброчные «статьи», но полностью закончить их описание не смогли. Поэтому при анализе этих источников исследователям надо учитывать их незавершенность².

Правительство, озабоченное пополнением казенных доходов и в том числе сборов со всевозможных оброчных «статей», с 1640-х гг. посылает в города сборщиков, которые составляли переписи торговых и других объектов с включением в них новых оброчных заведений с указанием новых оброчных окладов. Со второй половины XVII в. правительство такую работу стало поручать местным воеводам с подьячими или высылать в города подьячих из приказов, где «ведались» эти города. Переписчики снабжались наказами, подобными тем, по которым работали писцы 1620–1630-х гг.

Приехав в город, переписчик с помощью воеводы и представителей земской власти — земского старосты и выборных посадских «старожильцев» (они должны были ему помогать по государевой грамоте) проводил «допрос» владельцев оброчных объектов. Последние должны были ему рассказать, какими торговыми заведениями, на каком юридическом основании и с какого года они ими владеют. Писцу следовало представить подлинники документов на право владения (купчие, закладные,

воеводские данные, отдельные, отказные, духовные и т. д.), с которых он делал списки и оставлял для себя. На основании записей «сказок» владельцев-оброчников при их «допросе» и представленной ему «крепостной» документации писец составлял переписные книги городских оброчных «статей». Список с этих книг он оставлял в местной земской избе, а подлинник сдавал в свой приказ вместе с образовавшимся у него архивом. Такие архивы писцов и переписчиков составляют пласт очень ценных источников по экономической жизни русского города XVII в.

В изучаемое время Лух был небольшим городом, расположенным на левом берегу одноименной несудоходной реки (левого притока Клязьмы). Он имел маленькую деревянную крепость (60 на 35 саженей) и являлся центром своего уезда. В настоящее время это поселок городского типа (с 1959 г.) Ивановской области в 94 км к востоку от областного центра. До революции 1917 г. Лух входил в состав Костромской губ.

По данным писцовой книги 1625/26 г., в нем насчитывалось всего 74 посадских двора (37 тяглых, 24 бобыльских и 13 вдовьих), по переписи 1646 г. — 123 двора³, по переписи 1678 г. — 165 тяглых и бобыльских дворов да 22 двора нищих людей, 6 дворов священнослужителей и 5 осадных дворов уездных вотчинников и помещиков, всего 198 «живущих» дворов⁴.

Город и уезд считались «медвежьим углом» региона, лежащего в междуречье Волги и Клязьмы и находящегося вдали от больших водных и сухопутных дорог. Такое положение подтверждается тем, что Лух как торговый центр не привлекал внимания крупных иногородних торговцев и «торгующих крестьян» округи. При городе не было ямской слободы с ямщиками для перевозок казенных грузов и почты. Лух служил недолго местом ссылки для опального боярина А. С. Матвеева в 1682 г. после его северных мытарств. Также отметим, что грамотность посадского населения Луха в первой половине XVII в. составляла всего 13,5 %⁵, в то время как в других торговых городах она была гораздо выше (от 20 до 50 %). В этой связи любопытно обозреть экономическую ситуацию, сложившуюся в городе после событий «смутного времени».

Как и в каждом русском городе, в Лухе функционировала торговая площадь, на которой располагались торговые ряды с лавками. Два дня в неделю (в торговые дни) в город приезжали крестьяне из окрестных селений и торговцы из ближайших городов (Суздаль, Шуя, Юрьевец Повольский, Гороховец). На посаде находилась таможня, а около нее стоял государев кабак.

О состоянии и развитии местной городской торговли в XVII в. исследователи судят по свидетельствам таможенных книг, но эти источники сохранились далеко не для каждого города. Поэтому, чтобы получить представление о состоянии торговой жизни в тех городах, которые не обладают таможенными книгами, надо использовать описания оброчных торговых объектов и другие источники.

Обработанные статистические данные писцовой книги 1625/1626 г. писца И. А. Головленкова и подьячего Василья Львова, касающиеся оброчных торговых заведений города⁶ и сведения переписи оброчных городских лавок 1688 г. подьячего Якова Семенова⁷, представлены в таблице.

Состояние местного торгова г. Луха в XVII в.

Показатели	1625/1626 г.	1688 г.
Число торговых объектов*	50	40
Число владельцев объектов**	34	30
Число владельцев одного объекта	22	20
У них торговых объектов	21	18
Число владельцев двух и более объектов	12	10
У них торговых объектов	29	26
Общий размер годового оброка	3 руб. 3 алт.	3 руб. 31 алт. 2 д.

* В число торговых объектов вошли лавки, полулавки, лавочные места, харчевни и пустые лавочные места, за которые владельцы выплачивали годовой оброк.

** Все владельцы торговых заведений, за исключением одного крестьянина (в 1625/1626 г.) были посадскими людьми – тяглецами и бобылями.

Из таблицы видно, что почти по всем критериям, характеризующим состояние местного торгова в городе на протяжении XVII в., произошел некоторый спад. Так, если в 1625/26 г. на посаде насчитывалось всего 50 оброчных торговых объектов (35 лавок, 14 лавочных мест и харчевня), то в 1688 г. только 44 объекта (34 лавки, 7 лавочных мест и 3 пустых лавочных места). Соответственно уменьшилось и число владельцев оброчных торговых объектов с 34 чел. в 1625/1626 г. до 30 чел. в 1688 г.

Обращает на себя внимание отсутствие на торговой площади амбаров, амбарных мест, полок, шалашей, скамей и других торговых точек, наличие которых характеризует оживленность местного торгового центра. Такая ситуация свидетельствовала о слабой вовлеченности жителей Луха в городской торговый оборот.

Лиц, владевших одним торговым заведением, в начале века насчитывалось 22 чел. Они владели 21 объектом (одна лавка была в совместном пользовании у двух торговцев). В конце века таковых было только 20 чел. У них насчитывалось 18 объектов (у двух владельцев имелись лавки в совместном пользовании). Владельцев-оброчников, имевших от двух до пяти объектов, в начале века насчитывалось 12 чел. Им принадлежало 29 заведений. В конце века их осталось только 10 чел. Им принадлежало 26 заведений.

Из приведенных данных можно сделать вывод о том, что общий процесс мобилизации (концентрации) торговых объектов в руках у наиболее предприимчивых торговцев, заметный во всех городских центрах России, развивался и в Лухе. Так, в 1625/1626 г. двумя торговыми заведениями владели восемь луховских торговцев. В 1688 г. шесть торговцев владели тремя заведениями.

В начале века четверть объектов не владел ни один торговец, а пятью заведениями владел лишь один человек — тяглец Федор Иванов сын Кокорин (двумя лавками и тремя лавочными местами, причем одним лавочным местом он владел совместно с тяглецом Марком Ивановым). Все торговые объекты Кокорина находились в мясном ряду и про род его занятий писцовая книга сообщает: «бьет животину». В тягле он был «с полуденьги»⁸ при максимальном обложении тяглецов «с двух денег» и при минимальном «с четверти деньги».

В конце века четверть заведений владели три человека: Алексей Кириллов сын Зубков, Родион Иванов сын Гаврилов и его брат Петр Иванов сын Гаврилов. Пятью и более объектами в это время, по сведениям оброчной книги, не владел никто. Из приведенных данных следует, что процесс мобилизации торговых объектов у отдельных оброчников в городе находился в заторможенном состоянии из-за слабости и неустойчивости местного рынка.

Отметим, что в 1688 г. увеличилась лишь общая сумма годового денежного оброка города — она составила почти 4 руб. (3 руб. 31 алт. 2 д.), а в начале века эта сумма равнялась 3 руб. 3 алт. Увеличение было достигнуто за счет повышения оброков с некоторых владельцев. Если в 1625/26 г. величина максимального оброка с лавки или с лавочного места составляла 2 алт. 4 д. (минимальный — 1 алт. 2 д.), а оброчных окладов насчитывалось только четыре, то в конце века максимальный оброк с лавки составил 3 алт. 4 д. (минимальный — 1 алт. 4 д.), а оброчных окладов насчитывалось уже шесть. Отметим, что величина годового оброка могла зависеть от размера лавки или лавочного места в сажнях, который мог отличаться в большую или в меньшую сторону от стандартного (2 на 2 сажени), но в основном зависела от состоятельности торговца. Отсюда видно, что правительство не упускало возможности увеличить свои доходы даже с тех оброчных объектов, которые приносили весьма скромную прибыль.

Использованные нами официальные источники, кроме основного вывода о том, что местный торговый оборот (по числу торговых заведений) малого города Луха в XVII в. не развивался, позволяют выявить некоторые детали его торговой жизни. Например, из указаний писцовой книги на ремесло владельцев торговых оброчных заведений можно установить, что в основном местная торговля была мелкоотварной и в ней участвовали далеко не состоятельные посадские люди, в том числе и бобыли. К последним относились жители посада, которые в силу своей несостоятельности в тягло «не пригодились» и были обложены облегченной податью по сравнению с денежным тягловым обложением (она в два и более раза была легче тягла).

Так, среди владельцев торговых заведений попадаются такие, которые «животину бьют», «рыбу ловят», «калачи пекут», «делают сапоги», «делают сыромятное», «крашенины делают», «делают серебряное». Ясно, что эти мелкие товаропроизводители на местном рынке продавали свою продукцию. Кроме того, многие владельцы торговых объектов вели мелочный торговый оборот «москатильным товаром», «щепетинным товаром», луком и чесноком, солью и мясом. Четыре владельца, которые владели одной лавкой и тремя лавочными местами, были бобылями.

В 1688 г. среди владельцев лавок также были представлены мясники, серебряники, сыромятники, красильники, кузнецы и четыре бобыля. Один из них — Василий Филиппов сын Мельников — владел тремя лавками в одном объединенном москатильном и соляном ряду⁹.

Приведенные данные свидетельствовали о мелкой торговле местных товаропроизводителей, которая дополнялась небольшим торгом местных скупщиков, что и определяла традиционный замкнутый характер городского рынка, когда минимальный местный спрос на ремесленные изделия и продукты питания удовлетворялся небольшой частью ремесленного производства. Об этом же говорит и тот факт, что официальные описания лавочного городского торгового оборота называют всего четыре торго-

вых ряда: мясной, рыбный, объединенный москательный и соляной ряд, и ряд на площади (без конкретного названия). Другие источники — лухские «крепостные» документы второй половины XVII в. — несколько дополняют этот перечень. Так, главным образом в купчих записях на Лухском посаде упоминаются еще ряды щепетинный, горшечный, красильный и Большой москатильный ряд¹⁰.

Видно, что правительственные агенты, присланные из Москвы в город для его описания (в том числе для переписи лавок) в 1625/1626 г. не знали местной хозяйственной специфики и особо не спрашивали о ней у помогавшим им в работе «старожильцев». Что касается переписчика лавок в 1688 г. Якова Семенова, то он свою работу делал наспех. «Скаска» владельцев торговых заведений и «крепостную» документацию он собрал всего за четыре дня (2–5 февраля), но, конечно же, не со всех владельцев, а с 6 по 12 февраля составлял сначала черновые, а затем белые книги, которые представил в приказ Владимирской четверти 14 февраля¹¹.

Среди владельцев лавок отмечены посадские вдовы — в начале века названа Марфа Михайловская жена Посникова, которой принадлежали две лавки (одна лавка указана в мясном ряду, а для другой ряд не указывался¹²), а в конце века — Фетинья Ивановская жена Шурыгина, владевшая одной лавкой в москательном и соляном ряду¹³ и Арина Петровская жена Кашина, владевшая лавкой в мясном ряду и лавочным местом «на площади»¹⁴. Со временем вдовы передавали лавки своим сыновьям или продавали, если у них не было наследников.

По данным описаний оброчных торговых заведений начала и конца века, можно выявить факт наследственного владения, правда в небольшой доле и, следовательно, факт преемственности торговым занятием, когда лавки переходили от дедов и отцов к внукам и детям, в основном, по отцовской линии. Так, в 1688 г. можно насчитать несколько фамилий (прозвищ) владельцев лавок, которые были известны в начале века. Это Зубковы, Гавриловы, Еремеевы, Поповы и Соколовы. Определение торговой преемственности затруднено из-за того, что писцовая книга во многих случаях не дает полного имени. Она ограничивается или именем и отчеством или именем и прозвищем. Здесь следует отметить, что неустойчивость статуса торговца в условиях слабо развитого местного торгового не способствовала созданию устойчивых торгово-предпринимательских династий.

Слабая рыночная конъюнктура в городе заставляла ремесленников-товаропроизводителей и перекупщиков ориентироваться на внегородские рынки. Луховчане довольно часто выезжали на многочисленные торжки и ярмарки своего и соседних уездов, а также посещали отдаленные города, в частности, Москву и Нижний Новгород. Так, таможенный голова Луховской таможни объяснял недобор пошлинных денег в 1677 г. тем, что посадские торговые люди «для торговых своих промыслов бывают в понизовых и в ыных городех, а приезжают де те торговые люди к Рождеству Христову»¹⁵. Каждый раз недобранные пошлинные деньги по памятам из приказа Большого прихода с должников собирали новые выборные таможенные головы.

Благодаря такой торговой внегородской активности луховчан и участию в городском рынке окрестных крестьян, особенно в торговые дни, местные таможенные сборы давали хоть и скромный, но стабильный доход казне. Например, в 1674 г. они составляли 356 руб. 5 алт. 3 д.¹⁶

Как и во всех русских городах, в Лухе выделялась прослойка состоятельных посадских людей, занимающихся ростовщичеством, откупной деятельностью и использующих в своем промысле труд наемных работников. Так, состоятельный тяглец Лука Гаврилов в 1640 г. был откупщиком Луховской таможни за 175 руб. 30 алт. 1 д.¹⁷ (Отсюда видно, что таможенные сборы в городе к середине 1670-х гг. возросли в два раза, но не за счет увеличения торговых оброчных объектов, а скорее всего за счет расширения товарных привозных и отвозных масс и скорости оборота товаров в «застывших» на одном количественном уровне торговых объектов). Еще один состоятельный тяглец Федор Соколов в 1677 г. был откупщиком «мельницы, что на реке Луху» за 100 руб. 17 алт. 3 д.¹⁸

Переписная книга Луха 1678 г. называет двух торговых людей Суконной сотни, которые жили в своем родном городе и платили тягло вместе с луховскими посадскими людьми. Первый из них — Никифор Еремеев сын Малокуров — владел в городе двумя лавками¹⁹, а про другого — Максима Федорова сына Попова — сказано, что «у него ж купленный ясырь (пленник, невольник — М. Б.) Васька 13 лет, да у него ж бобыль Николаевского монастыря Шархмы (вотчина монастыря — М. Б.) Ивашка Григорьев, а работает из найму погодно да Городца Повольского из Нижней слободы Пашка Кузьмин, работает из найму погодно»²⁰. Еще у одного состоятельного тяглеца Степана Аксенова сына Попова также во дворе отмечен «купленный ясырь Ивашка Васильев, 10 лет»²¹. Все отмеченные луховчане, имевшие зависимых или наемных людей, использовали их в своем товарном промысле или в торговой деятельности как своих приказчиков.

Отметим, что в Лухе переписчик оброчных статей 1688 г. не оброчил промысловые заведения, находившиеся в тяглых посадских дворах (амбары, амбарные и харчевые места, солодовни), что де-

ляли переписчики в других городах. Впрочем, это зависело от наказов. Однако такая неоднозначная оброчная политика казны, конечно, «скрывала» развитие предпринимательской деятельности посадского населения, в частности, в Лухе.

Таким образом, изучение торговой жизни малого города Луха по официальным источникам XVII в. выявило парадоксальное явление в его экономике. С одной стороны, не заметно увеличения торговых оброчных заведений и числа их владельцев — торговцев на посаде, а с другой стороны, прослеживается увеличение торговых оборотов города по данным о таможенных сборах. В то же время в Лухе, как и во всех русских городах в конце XVII в., наблюдается появление прослойки торговых состоятельных людей, использующих труд наемных работников и активно торгующих вне своего города. Такое состояние экономики Луха необходимо проверить по данным других малых городов, по которым имеются необходимые источники.

Примечания

¹ Наказы валовым писцам некоторых городов опубликованы. См.: *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Моск. государстве. М., 1913. Т. 1. № 166–193.

² *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: Исслед. по истории кадастра и посош. обложения Моск. государства. М., 1916. Т. 2. С. 257.

³ *Смирнов П. П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1919. Т. 1, Вып. 2: Количество и движение населения. С. 124.

⁴ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Кн. 11838. С. 17–18.

⁵ *Булгаков М. Б.* К вопросу о грамотности населения малых городов России в первой половине XVII в. (на примере города Луха // *Русское средневековье.* 1998. Вып. 2. М., 1999. С. 91.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 246. Л. 33–39. Источник — подлинник за рукоприкладством писцов.

⁷ Там же. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Оп. 2. Кн. 317. Л. 1–8. Кроме оброчных лавок Яков Семенов переписал и кузницы, о которых мы речь не ведем. Источник — подлинник за рукоприкладством подьячего. Отметим, что переписчик был не из Владимирского приказа, который «ведал» городом, а из Новгородского приказа. Таким образом, в случае необходимости приказы «выручали» друг друга и на какое-то время одалживали своих подьячих. У С. Б. Веселовского указано, что этот подьячий в 1676 г. служил в Патриаршем Разряде (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв.: Справ. М., 1975. С. 472). Возможно, это были разные люди.

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 246. Л. 10 об.

⁹ Там же. Ф. 137. Оп. 2. Кн. 317. Л. 3–4 об. О бобыльском статусе торговца см.: Там же. Ф. 1209. Кн. 11838. Л. 3. Впрочем, по этой переписной книге 1678 г. отчество показано другое — Фомин, что вызывает сомнения в идентичности фигуранта.

¹⁰ Там же. Ф. 159 (ПДНР). Оп. 4. № 575. Л. 22–60. В этом деле сосредоточен архив переписчика лухских оброчных «статей» подьячего Якова Семенова.

¹¹ Там же. Ф. 137. Оп. 2. Кн. 317. Л. 1. Поспешность и небрежность работы переписчика приводила к ошибкам в его книге. Так, упоминаемый тяглец Алексей Кириллов сын Зубков в своей «скаске» сообщил, что «на Луху лавочных мест и лавок за мною пять мест...» (Там же. Ф. 159. Оп. 4. № 575. Л. 51), а в книге у него обозначено только три лавки и одно лавочное место (еще одно его лавочное место не отмечено). Другой тяглец Иван Иевлев сын сыромятник «сказал, что на Луху на посаде за мною две лавки...» (Там же. Л. 20), а в книге за ним числилась только одна лавка. Такие ошибки вели к некоторому искажению действительности. Статистический подсчет оброчных торговых объектов (см. табл.) мы делали по данным этой, как выясняется, небезупречной официальной оброчной книги.

¹² Там же. Ф. 1209. Кн. 246. Л. 35 об., 37 об.

¹³ Там же. Ф. 137. Оп. 2. Кн. 317. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 6 об., 7.

¹⁵ Там же. Ф. 159. Оп. 1. № 1461. Л. 253.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ф. 371 (Преображенский и Семеновский приказ). Оп. 2. № 31. Л. 158.

¹⁸ Там же. Ф. 159. Оп. 1. № 1462. Ч. 2. Л. 411.

¹⁹ Там же. Ф. 1209. Кн. 11838. Л. 7.

²⁰ Там же. Л. 16 об. Здесь опять же можно предъявить претензии переписчику Якову Семенову, не отметившему в своей переписи новый статус указанных состоятельных луховчан.

²¹ Там же. Л. 3 об.

А. В. Барсукова

ТОРГОВЛЯ КОЛОМЕНЦЕВ ПО ОКСКО-МОСКВОРЕЦКОМУ РЕЧНОМУ ПУТИ В XVII В.*

Издавна в хозяйственной жизни страны большее значение отводилось Окско-Москворецкому речному пути, где особую роль играла Коломна как главный город-порт (после Москвы) этой терри-